

Ор. 84
Д-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

Pantun

0р84
8 15

0р84,5
84/200-Р4С/1-4

Даль

Владимир Иванович

Оренбургский край
в художественных
произведениях
писателя

Оренбургское книжное издательство
2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

05
0-273696
16 17

18

ОХОТА НА ВОЛКОВ

В молодости, в полном здоровье и силе, иногда весело бывает порыскать на просторе, по горам и угорьям, по нивам и по равнинам, по густым борам, прислушиваясь к токованию глухаря, и скрадывая его, когда он сам себя заслушается и ничего не слышит и не видит, — то мочажинами по чистой поляне, где чуткая собака делает мертвую стойку на молчанку или белокуприка, которого у нас принято называть нерусским именем дупеля, — то чистокустьем, молодым березняком, где слука или боровой кулик, самый лакомый кусочек сластоежек, взвизгивает перед тобою столбиком, со своим особенным, густым свистом и бульканьем, — то, закинув гончих в остров, стоять, притаясь на лазу, следить ухом за отчаянным, заливым лаем их, более похожим на голосистый, певучий вой: «го-го-го!» — вторит им усердный псать — голос его обращается сюда, в эту сторону — лай и завыванье слышатся сквозь трущобу ближе и ближе — ясно узнаешь каждую гончую по голосу: вот *дошлая* заливается плачем, будто боится упустить добычу, вон, *турка* вторит густым ободрительным ревом, вот *ширай* отрывисто подхватывает, а *мухартая* разливается колокольчиком: ай, ай, ай, ай!

Грудь на просторе широко дышит, суетные заботы покинуты на время там, далеко, в душном городе; в этом муравейнике мелочных страстишек, дразг и сует человек на время отрешил-

ся от всего, что гнетет и томит, он один с природою, глаз на глаз, и будто ему ни до чего в мире нужды нет... Но и это не надолго: он рассыпает избыток телесных сил своих по полям и горам, он освежает дух свой, пригнетенный одною умственною деятельностью, он будто в знойный, удушливый день, выкупался в безграничном море, кинувшись беззаботно, торчмя головой, в бездну его; и освежаясь и укрепясь живительною силой природы, бодро возвращается опять к своему долгу. Работе время, досугу час.

Была сказана охота на трое суток: первый день на зайцев, другой на тетеревов, третий на волков. Эти охоты, кои называются отъезжим полем, где кочуют станом и сходятся в урочный час на урочных местах, теперь становятся редки, а в былое время всю осень, с Семена-дня (сентяб.) и до пороши, охотники проводили гурьбами в отъезжем поле.

Под угорьем Урала, в самой Башкирии, жил барин во всем крае том известный владделец. Дед его купил у башкир сотню тысяч десятин чернозему, лесу, гор, рек и озер, со всеми угодыями, среди непочатой дикой природы, переселился туда с целым полком крестьян, породнился через женитьбу с татарами, взял в приданое большое татарское село, и все поколение этого рода славилось в крае богатством, хлебосольством и гостеприимством. Этим-то барином сказана была охота, как всегда водилось, на полном угощении радушного хозяина. Это делалось очень просто: он давал знать немногим окружным помещикам и в Оренбурге, что в Ташлахе охота, сбор с вечера, такого-то числа; и кто мог отлучиться от дел или службы, являлся на место, проскакав с лишком 200 верст на башкирских лошадках с лычною упряжью. Случалось, что и первый приступ этот стоил иному коли не головы, то руки или ноги: верховых, одичалых коней, не бывавших в упряжке, хватали с паствы, целая деревня сбегалась для закладки их, башкир, отроду не правивший вожжами, не только тройкою, вскакивал на облучок, между тем как толпа окружала и держала лошадей, стараясь уговорить их то лаской, то угрозою, путник садился в кузов, и за словом:

«пошел!» вся толпа разом с криком и гиком отскакивала в сторону, изумленная тройка с места подхватывала во весь дух и мчалась, не разбирая ни пня, ни колоды, до места; тут опять выбегала навстречу такая же безалаберная, шумная толпа запрягальщиков, которая с трудом останавливала разлетевшуюся тройку, между тем как другие кидались опрометью в поле, хватать укрюком первых попавшихся им лошадей.

Съезд был изрядный; веселый хозяин ходил по всем комнатам, где расположились гости, шутил, смеялся, иногда и подсмеивался, а вокруг все были заняты пересмотром ружей, насыпкой пороховниц и дробниц; а более также веселой болтовней; тут был и памятный доселе в том краю, всеми любимый записной охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде, и умевший смешить всех самыми пустыми и пошлыми остротами: он стрелял слуку по сарафану, утку по салопу; он зайцу задавал прыску вдогонку, а убив его, никогда по забывал отдать ему последнюю честь, приложив руку к козырьку, — словом, как я сказал, пошлые ничтожности выходили у него до того забавны, что даже Пушкин, познакомясь с ним в Оренбурге и попарившись у него в бане с расписанным охотою передбанником, прислал ему после своего Пугачева, но забыв прозвание его, написал: «Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валенштейном». Был тут и необходимый при всяком подобном случае охотник, на которого будто судьба наложила обязанность невольно забавлять собою общество, не смешить его, как тот делал, дешевыми остротами, а странностями и чудачеством своим, опрометчивостью и неудачами.

Вскоре после шумного ужина все улеглись — завтра вставать до зари — лишь несколько отчаянных кузнецов проковали всю ночь в четыре кулака по зеленой наковальне, или, как выражался остряк, занимались руководством шайки пятидесяти двух разбойников, т. е. играли в карты. Все мы до зари вскочили бодрые, веселые, полные надежд на великие охотничьи подвиги, а эти несчастные ковали, не смыкая глаз во всю ночь, бродили бледные, растрепанные. После перехватки на скорую руку,

все уселись на тарантас, попросту на дроги, где помещается человек до двенадцати, и радостно понеслись в поле. Тут всех развезли по шалашам, подали знак рогом, и конные загонщики тронулись в ход со всей округи.

Дело это устраивается так: тетерева с ранней весны рассыпаются врозь по всему простору мелкого леса, березовых колков полей, где и выют на земле, в траве и под кустами, гнезда; в это время они так ловко прячутся, что матки почти не удастся видеть, а разве только наткнешься иногда, на косача, т. е. петуха. Высидев цыплят, от 10 и 20, тетерка водит их, как курица, и в июле хорошо стрелять молодых из-под собаки; вырастив цыплят, тетерева начинают стаиться, днем летают на кормежку стаями на хлеба, особенно когда хлеб уже в копнах, а к ночи отлетают в ближайшие леса; на зимовку же, когда в этих местах, столь привольных по осени, все покрывается снегом, и зерна с земли не добудешь, они подаются далее в глушь, в дремучие хвойные леса, где клюют хвою и хвойные шишки. Вот во второй-то промежуток времени, когда они держатся в мелких лесах большими стаями, их быют на чучела: ставят в открытых местах на полянах сухое или очищенное от листвы дерево, на которое вообще птица охотно садится, сажают на дерево это чучело тетерева или грубое подобие его, сшитое из сукна и набитое сеном, либо такой же, окрашенный деревянный болван, а шагах в двадцати от него ставят соломенный шалаш, где укрывается охотник; пролетая взад и вперед, особенно коли их в других местах стоняют, тетерева, принимают безобразное чучело это за своего брата, приседают к нему сбоку, и охотник стреляет свою добычу, подбирая ее после за один раз под сухим деревом. Эта охота бывает удачна по зорям, потому что тетерева днем отлетают, как сказано, на хлеба, а в лесах только ночуют.

Я сел себе в просторный, вязанный пучочками соломенный шалаш, прорезал охотничьим ножом окошечко вершка в два, против чучела, осмотрел еще раз исправность ружья, и прилег боком, в ожидании прилета живых чучел.

Воробей, подумал я, не похож на умного человека, а между тем много хитрее этого простака. Тетерев, он же березовик, полевой тетерев, палюк, палянс или пальник, будто бы оттого что любит паленые, горелые места, осторожен, человека на выстрел редко подпустит, но в обман дается на все лады: не только попадает он в снопях в пленки, силки, не умея отпутать петли от ноги, не только кроют его всей стаей, шатром, большою сетью, он валится даже в корзины и верши: ставят в поле ивяную плетушку с крышкой на чебурах или на перечале, т. е. которая перевертывается, опрокидывается; вершу эту обставляют снопами, целая стая падает на поддельную копну, а кто попал на крышку, тотчас проваливается; крышка опять устанавливается, и ближайший сосед погибшего, не чая худя, пользуется простором и садится на его место, где его постигает та же злая участь! Да чего, дело строится еще проще: ставят плетенку, долгую, узкую кверху, с отверстием по гребню во всю длину, не шире четверти; вдоль этого отверстия протягивают бечевку, обвитую соломой, и всю плетенку обставляют снопами: тетерева смело и не задумавшись с разлету садятся на продольный жгут, который, перевертываясь у них под ногами, роняет их в плетенку, а следующие собратья погибшего спешат занять его место! Таким образом случалось, что вся корзина набивалась до верху птицей, и остальным глупышам уже не опасно было сидеть, потому что некуда было проваливаться. Но еще забавнее стрельба на чучела: безобразный суконный болван, в котором едва узнать можно подобие птицы, с красными суконными бровями и целой заплаткой на боку — это для них приманка, тогда как для всякой другой птицы это могло бы служить только пугалом...

Сильный внезапный шорох, будто градовая туча разразилась над моим соломенным шалашом, заставил меня вскочить на колени — я припал глазом к оконцу; целая стая тетеревов покрыла собою обольстительное чучело, сухая береза словно ожила, ни сучочка свободного, косачи и пеструхи (курицы) обсели всю, а над головою моею что-то пересту-

пало по соломе, очевидно, что и там уселась часть верениц.

Я легонько высунул дуло ружья в оконце — и три тетерева на заряд пали, глухо грянувшись оземь.

Так шло дело еще часика два, и я слышал частую перестрелку во всех окружающих шалашах, расставленных на полверсты один от другого. Пора лету прошла, и по часам было время идти на сборное место; я подобрал 28 тетеревов, лежавших грудой под сухой березой, и они мне порядочно оттянули плечи.

На стану уже издали слышались крик и шум, и хохот, между тем тут же раздавались выстрелы, и после каждого заливной хохот веселой братии усиливался; оказалось, что проказник и невольный потешатель наш выпустил уже восемь зарядов по сидящему на высокой сосне косачу и спешил снова заряжать ружье; между тем тетерев сидел себе преспокойно, не удостоивая смертельного неприятеля своего никакого внимания. Это было нарочно для такой потехи посаженное чучело, а молодой, горячий стрелок до того распалился, что ничего не видел и не слышал; общий же хохот принимал он лишь за насмешку над тем, что он не попадает в птицу!

Когда все сошлись, то начался смотр: на двух жердях в голове расставленного на земле обеда красовались ожидающие приговора награды: дубовый венок и шапка с ослиными ушами, искусно сделанная из лапушника, чертополоха и тому подобных милостивых растений; первый назначался царю поля, тому, кто всех обстреляет, вторая — последнему по искусству или по счастью. Бесспорно, первым оказался наш балагур, хороший, ловкий стрелок, который опытными глазом выбрал себе лучшее место, шалаш на перелете; последним же — на бедного Макара шишки валяются — Кипяченый, как его прозвали, который, как мы сейчас видели, не смог убить неживой тетерки. С ним, сверх того, случилось еще другое дивное приключение: при счете дичи у каждого, общим обходом, по кучкам, в числе пятка тетеревов, у горячего оказалась лысуха; откуда она взялась — этого никто не знал или не говорил, но она была тут, налицо, в одной связке с тетеревами — лысуха, дрянная болот-

ная птица, которой никто не стреляет, и сверх того, убитая вместо косача, на дереве!

В таком братстве смех дешев, и повальному хохоту не было конца. За плохую удачу да еще за подлог горячему по общему приговору поднесена была почетная шапка с ушами.

Эта шутка вскипятила горяченького так, что сердце чуть было не перекипело; вот правду говорят наши пословицы: всякую шутку к себе применяй и шути, покуда краска в лицо не выступила! Но любимец наш, балагур, мигом все дело поправил, успокоив одного и потешив всех: «Ну, что ты белендрясничаешь, — сказал он, — эка невидаль! Ну, давай меняться, бери мою шапку, давай свой колпак!» — «Давай, — отвечал тот сгоряча, забыв, что он от своего лопушника отрекся; — только с тем, чтобы ты его надел!» — «А ты бы как думал, — возразил этот, — ведь не во щи ж его крошить, разумеется надену — ну да уж и ты же надевай свой!» Теперь уже тому неловко было снова отказываться, и оба ко всеобщей потехе, обменявшись наградными знаками, наложили их на головы.

— Господа, — сказал хозяин, — чин празднества нашего немного изменился, надеюсь, не в убыток нам, ведь день-то велик, до вечера долго, что ж мы будем на боку лежать? Едем сейчас на зайцев, все готово, а к сроку опять все будем по шалашам!

На русака ордою ходить неудобно, разве растянувшись порядком, ровняться, идучи наудачу; русак лежит розно и притом на степи или в поле, всегда на чистом месте; но на беляка, который почти один только и есть в тех местах, хорошо ходить и многим вместе: с одной стороны вкруг лесного калка или острова становятся стрелки за кусты или деревья и по опушке, а с противной стороны заходит облава, цепь загонщиков, и проходит с гиком лесом насквозь, или в остров закидывают гончих, а стрелки провожают их по обе стороны, опушкой, а борзых, коли они есть, держат на сворах в отдалении, подхватывая то, что уходит из-под ружей.

Только что гончих спустили со смычков и псарь запорскал, как выстрелы посыпались горохом. Заяц лисьих уловов не зна-

ет: отлеживается донельзя, а вскочил, так побежал зря, на кого наткнулся. У русака есть еще кой-какие смелые, отчаянные хитрости, а беляк прост. Русак иногда поводит сперва собак накоротке, как бы испытывая бойкость их, так что не знаешь, кто кому дает утонки, собаки ли зайцу, заяц ли собакам; поумяв же их порядком, как поддаст прыти, да как пойдет стрелой напрямик, так только его и видели! Другой же даст собакам натечь во весь дух, подпустит их вплоть, вот только ухватить щипцом, да мигом припадет: все собаки через него перенесутся, а уж он где — прямехонько назад себе удирает; собаки размечутся врозь, еще скоро ли возрытятся опять! А еще лучше штука у него есть вот такая: разгонит он собак во весь дух, а потом маленько отдаст, те приблизятся вплоть, вот уж облизываются — а он прыжка кверху, аршина на четыре — собаки те все под ним прометнутся, а он как пал на землю, так во все лопатки назад!

Да, русак в отчаянном случае и смел, и находчив. Расскажу вам про инвалида, искалеченного на войне с зайцем, один на один, так что дело это почти можно назвать поединком или единоборством!

Охотник, которого несчастнее не знал я во всю жизнь, потому что он в минуту спуска курка всегда вздрагивал и опускал дуло, и никогда ничего не убивал — охотник этот однако же был неутомим на ходьбу, необычайно зорок, так что усматривал почти каждого зайца на логове, что очень трудно — и потому, несмотря на зарок после каждой попытки, все-таки опять ходил на охоту. Прошлявшись однажды зимою целый день, стрелявши по двадцати зайцам и не убив ни одного, он шел, в отчаянном расположении, домой. Подходя к городу, где были огороженные плетнями капустники, он однако же не мог утерпеть, чтобы не подойти к ним и не поглядеть через плетень; по первому взгляду острый глаз его наткнулся на русака, спокойно лежавшего в борозде... «Постой, — подумал он, — этот от меня не уйдет, и, обойдя наперед весь огород кругом, он отыскал худое место, где заяц, как и по следам видно было, пролез, заделал

место это и забил снегом, а потом, не трогая заваленной сугробом калиточки, перелез через плетень, справил ружье, прицелился раз, другой в кочку — кажется, я очень верно прикладываюсь и выдерживаю — авось попаду!» Он подошел близехонько, выпалил, заяц вскочил и пошел в огороде на кругах... Отчаянный стрелок ударил ружье оземь, но оно в мягком снегу уцелело. Зарядив его снова, он подбирался к зайцу, которому некуда было выскочить, со всех сторон и на все лады, — все хотелось поближе — и стрелял еще раза два — нет, не берет! Увидав в это время прохожего мальчишку, он подозвал его и устроил такую стратегию: присев в угол огорода на корточки, он велел мальчику гонять зайца, надеясь, что этот набежит на него близко, а он наконец-таки его убьет. Отчаянный русак, не зная, куда от этой напасти деваться, разлетелся со всего духу на кочку в углу, которая могла послужить ему приступком, не заботясь о том, что кочка эта живой человек, охотник с ружьем — и в одно мгновение раздался выстрел, а русак, перескочив, с помощью кочки, через плетень, неся уже далеко... но он неосторожно ступил на подмости; несчастный охотник стоял и упирался в два кулака, снег вокруг него обливало кровью; упор позанок пришелся прямо в лицо бедняку, и заяц разорвал охотнику губу на вершок...

Но пора воротиться и к нашим стрелкам. Пальба шла кругом, зайцы валились, и вдруг к одному убитому подбежали два охотника, и каждый потянул было зайца к себе: один из них горячился и кричал, утверждая, что он его убил — и разумеется, что это опять был роковой *горячий*. Третий охотник подошел, взглянул на место, где кто из них стоял и как бежал заяц, осмотрел его, чтобы видеть, с которой стороны ударила дробь, мигнул товарищу и приговорил зайца *горячему*. Мигом разошлась по всей цепи стрелков весть, что горячий отжилил чужого зайца и что за это надо его *обвешать*. Обвешать охотника называется то, что теперь последовало: кто бы ни убил зайца, всякий спешил отнести или отослать его к *горячему*, с уверением, что это его заяц, тот самый, по которому он недавно

стрелял, и что заяц, недалеко отбежав, упал... Несколько изумленный, но обрадованный удачею и никакого умысла не подозревающий, *горячий* стал молча вторачивать зайцев своих в торока и не успел оглянуться, как ему подвалили их едва ли не более, чем могла поднять лошадь! Тут только разгадал он загадку и снова бедняга стал общим посмешищем. Зайцев разобрали по рукам.

Вечером опять сидели мы по своим шаламам и пальба шла беглым огнем. Следующий день прошел точно также, утро и вечер на тетеревов, а день — на зайцев. Без разных проказ не обошлось; но для примера довольно будет и одного: когда все гурьбой тронулись в путь на зайцев, то посланный башкир потянул *горячего* за локоток и, отведя его в сторону, указал на зайца в логове. Тот с пылу за ружье и положил его на месте. Все на выстрел прискакали, дивясь счастью охотника. Между тем башкир скрылся, а один из охотников спросил: «Что это у зайца в зубах, посмотрите!» Сам хозяин, *горячий*, вторачивая зайца, выдернул у него изо рта бумажку... «Письмо, письмо, — закричали все, — к *горячему* заячья почта ходит! Читайте, читайте вслух...» Тот, развернув записку, стоял как растерянный, а другие за него прочитали: «Меня убил Иван Павлович *Горячий* — месяц и число...»

Пришел и третий день, черед волчьей охоты. Тут пошли иные приготовления: ружья, в кои уже едва проходил шумпол от нагару, перемывались, доставали дробь-безымянку, самую крупную, да жеребейки — все это делалось уже утром, потому что торопиться было нечего, на волков рано выходить нельзя, а уж так, как солнышко обогреет. Волк ночью на промыслу, рыщет по близости жилья, а как день настанет, так он пробирается в лес, и притом обычно ночует в одном логове, покуда его кто там не обеспокоит. Пользуясь этим, волков наперед разведывают, высматривают по зорям, а по ночам или с вечера *подвывают*. Для этого опытный и умеющий охотник идет еще засветло в те места, где подсмотрены волки и предполагается логово их; это особенно удобно позднюю осенью, когда прибылые уже подро-

ли, но еще не покинули гнезда, а шатаются и ночуют еще при старых. Выбрав безопасное место, например, на дереве, а всего лучше на скирде сена, с того боку лесу, где у волков лазы, то есть тропинки, подвывальщик ложится там и, выждав сумерки, по временам начинает выть по-волчьи. Коли волки тут — они отзовутся, и даже подбегут ближе, чтобы завести новое знакомство; они слышат, что должен быть пришлый собрат, голос чужой, его тут не было слышно. Разохотив их несколькими приемами, подвывальщик достигает того, что все, сколько их есть по близости, поочередно подадут голос, и таким образом верно знает, сколько волков здесь ночует. Для верности он поверяет их не один раз, по зорям, как поверяют солдат на перекличке, и верно знает им счет.

Но волк догадлив, осторожен, и притом труслив, малейший шум или тревога поднимают его с места, и он уходит прежде, чем его увидишь. Его надо обмануть и исплошить, иначе он не дастся. Он нагл и дерзок только там, где видит, что осилит, где их много, или где голод довел его до лютости. Когда сидишь ночью с ружьем в яме или в шалаше, или в сельской баньке на конце селения, подстерегая волка на падали, то видишь, с какою он осторожностью подходит, как он издали кружит около, туда и сюда, останавливаясь почасту и подымая чутье высоко на ветер, как потом крадется, останавливаясь и поглядывая на жилое место, а редко оглянется назад, где у него лес и поле; если темно и трудно рассмотреть, волк ли, или собака подошла к проводе, то едва ли ошибешься по простой примете: волк становится у падали всегда задом к полю, головой к селенью, хотя бы оно было и далеко от этого места, а собака, напротив, подходит со стороны селенья и рвет приводу глядя на лес. И тот и другая знают, откуда ожидать врага. Волк очень верно слышит, откуда идет звяга, лай или крик, тотчас вскакивает и недолго прислушивается, чтобы сметить, мимо ли его проходит шум этот или подвигается к нему: как только он убедится в последнем, так бежит напрямик в противную сторону, а подбегая к опушке, много раз останавливается, послушивая, высматривая и при-

чуивая, нет ли тут на выходе какой опасности; если же чуть что проведает, то сворачивает лесом же вбок, и его на опушке не увидишь, а разве только услышишь по шороху.

Опытные подвывалыщики обещали нам удачную охоту, если только какая-нибудь случайность не испортит дела, но для этой случайности довольно упустить до времени одну собаку, или, подходя к лесу, лишку пошуметь, проскакать с шепотом, громко перекликнуться и прочее. Подвывалыщики передали только ближайшим доверенным своим, что ими насчитано в двух местах, по голосам, 23 волка!

Когда уже солнце стояло вполдерева, то мы, хорошо позавтракав, поднялись; чем ближе мы подъезжали к месту, все верхами, чтобы не было стуку от колес, тем тише беседовали. Псы с гончими своротили вбок, чтобы объехать лес поодаль, стрелки подались в противную сторону, а ловчие с борзыми на сворах рассыпались порознь в обе стороны, чтобы издали обнять лес, став на видном месте, однако за кустом или за холмом, откуда бы можно было перенять выбежавшего из лесу зверя. Мы вскоре передали лошадей своих стремянным, а сами пошли пешими к лесу, где стали на опушке, по удобству за пнем или за кустом, на полтора выстрела друг от друга. Дольше часу длилось томительное ожидание, для каждого в одиночестве; целый табор, поднявшийся с места, будто утонул в лесу, и вокруг, не слышно было ни звука.

Солнце начинало припекать. Я прошел осторожно несколько шагов назад, к полю, чтобы оглянуться, заметить для осторожности, где стоят оба соседа мои; я стоял задом к дремучему лесу, передо мною расстилалась большая поляна с реденькими кустами кое-где по холму, из-за которого виднелась только голова всадника, ловчего с борзыми, а далее — лесные островки с перелесками. Вдруг издали, казалось весьма далеко, раздался мягкий, голосистый рог нашего хозяина — сердце дрогнуло, я кинулся на свое место, под невысокую, развесистую ель, которая бы хвоей своею меня сверху прикрывала и затеняла.

Этот тихий, одинокий голос рожка, который замер на про-

сторю, пробудил с противоположного края леса звонкие отголоски: зычные, высокие голоса псарей проснулись. «Го-го-го!» — раздалось вдалеке, как крик лебедей под облаками, и вслед за тем звяла выклаков, стаи гончих... ближе и ближе — вот напали на след и гонят по красному зверю. О, это не гавканье по зайцу — это отчаянный вой, это лютый, неистовый лай, это и плач и хохот вместе — пошли по зрячему, и неумолчный, заливной, исступленный крик псарей слился в одно с отчаянным лаем и воем гончих...

Влево, на завороте леска раздался выстрел, и другой, и третий, и наконец до десятка — шум и крик сделался общим, весь лес ожил, целая стая волков тремя кучками прорвалась между стрелками, четыре волка пали на месте, остальные, частью раненные, понеслись в разные стороны; одному хозяин наш заскакал было дорогу, и тот бросился на него, вскочив лапами на грудь; этот ударил его кнутовищем арапника по рылу, лошадь взвилась на дыбы и подмяла волка копытами, собака натекла и ловчий приколол зверя; гончая с псарями прошли насквозь и понеслись за разбитой стаей. В поле ловчие принимали встречу этих смиренных головорезов, спуская на каждого по доброй своре, и по две — все понеслось вперед, и мы, ружейники, кинулись на коней и поскакали в разные стороны, кому где видна была битва. Шум, крик, лай, пальба, — все это будто потоком вылилось из лесу и разлилось по всему околотку.

И собаки, и охотники, и вся охота разбилась врозь, потому что 23 волка, как сосчитано было подвывалами, вдруг прорвались в трех местах и, рассыпавшись, неслись во все лопатки от леса к лесу. Я напал на одинокую свору борзых, без ловчего, уцепившихся по обе стороны за уши волку: они, сильно запыхавшись и храпя от злости, как клещи, впились в серого вора и только изредка перехватывали быстро, не давая ему повернуться и закусывая дальше и глубже, а серый, хорошо понимая, что тут, где кругом идет крик, лай, улюлюканье и хлопанье арапниками, не место храбриться, серый тащил на себе шагом упирающихся во все четыре ноги собак, добираясь до близкого лесу.

Я соскочил с лошади, ухватившись за ружье, но стрелять было нельзя, собаки по обе стороны лежали бок о бок с волком; я выхватил кинжал и поймал было волка за полено (хвост), но лошадь, коей повод у меня закинут был на правой руке, фыркнула, рванула и отдернула меня от волка; я метался в отчаянии, но не мог сладить: волк, покачивая головой, будто в хомуте, тащил за собою собак и близился к лесу: там бы он тотчас заговорил не тем языком и легко бы мог вырваться, стряхнув с себя собак и поранив их, уйти. К счастью, один из ловчих, с привычным конем, прискакал на помощь, кинулся кубарем с седла, бросив мне повод и дернув волка сильно за полено, запустил в него весь кинжал. Не теряя ни минуты, я поскакал дальше и поспел еще на одну травлю, вернее сказать гонку: из числа прорвавшихся разом волков некоторые успели проскочить в поле без погони за ними, потому что собаки и ловчие увязались уже за другими волками, — такого-то тяглеца подметили трое башкир и принялись без собак давать ему угонки; я подоспел еще вовремя: и волк, и лошади башкир уже сильно устали; я догнал его на свежей лошади своей и, отрезав от лесу, поворотил опять на башкир; я даже ударил его нагайкой по голове, и он только с робкою дерзостью оскалил на меня зубы, думая очевидно только о том, как бы уйти. Но один из башкир удачнее моего отвесил ему по рылу остолбуху, а другой, наскочив сбоку, мигом накинул на него аркан и поволок за собою: волк обеспамятел, и все трое, не дав ему опомниться, бросились на него с лошадей, скрутили его и сострунили, то есть перевязали ему рыло вокруг бечевкой. Сделав это, они распутали его, дали ему отдохнуть и повели, как козу, на веревочке: некуда было бедняку деваться; пасти не разинуть, хватить нечем, и осталось одно: прикинуться смиренником и, поджав полено, идти куда тащат.

Мне случилось и прежде этого быть участником такой же гонки, на другом конце Руси: на южном Буге. Подъехав верхом к перевозу, по нашему — к переправе, где для порядку стоял казачий караул, я вдруг оглянулся на крик выезжавшего из

маленького березового лесочка мужика; он наткнулся там на волка, который пробирался теперь, избегая лишней тревоги, по берегу. Мигом двое донцов вскочили на коней и понеслись за ним, а я за ними: «Нажрался, нажрался, кричал один казак, далече не пойдет!» Мы разъехались пошире врозь, когда выгнали серого на чистое место, и первый казак, дав волку порядочную утонку, с версту, стал забирать левее и заворотил его исподволь вправо, на второго казака, который таким же образом нагнал его на меня, и точно, что нажрался: бока бочкой и насилу бежит, и то свинкой, рылом в землю! Я его гнал, просто наседая на него, и потом сбил влево, на среднего казака, который и уходил его: взбежав тою же ровною лестью на взлобок, волк вдруг присел по-собачьи, расставив передние ноги вилами и вывалив язык на пол-аршина! Это означало безусловную сдачу, силы отказались! Казаки так спешно бросились с места в погоню, что не взяли с собой никакого оружия; но, недолго думая, они отстегнули по путлицу со стремянем, подбежали сзади к серому, ухватили его за полено и пошли молотить стремянами по голове.

Но воротимся к своей охоте. Исподволь все стали собираться на поляну перед волчьим притоном, и волки свозились со всех сторон и подвешивались за задние ноги к сучьям дерев или к колям вкруг расставленного на дерну обеда. Оказалось всей добычи восемнадцать разбойников, только пятеро ушли в разные стороны; одного, с оструненным рылом, посадили на привязи на почетное место, позади нашего хлебосольного хозяина. Обед вручную был шумный и развеселый, дивным рассказням не было конца; похвалы собакам сыпались со всех сторон, особенно *Болвану*, который взял волка в одиночку и грызся с ним до помощи, зев в зев; а потом раненому *Гаркуше*, о храбрости которого свидетельствовали все очевидцы. В это время подошли двое башкир с какими-то ношами, кои оказались — чем вы думали? — двумя живыми, спутанными грифами; гриф, сыпь, орел или коршун-голошейка, который водится у нас на Урале, огромная хищная птица, близкий сродник альпийскому ягнятнику и американскому кондору; судьба его такая ж, как и вол-

ка: нажравшись, он до того тяжелеет, что с трудом подымается с земли, и то невысоко, так что его можно загнать на лошади; не попав на волка, а наткнувшись на сытых грифов, эти башкиры позабавились гоньбой за ними и принесли их связанных живьем. Я сам смерил одного: он был 4,5 аршина в полете. Такой гриф, убитый тогдашним начальником края, графом Перовским, стоит поныне в казанском университете.

Во время самой жаркой беседы за обедом, один из охотников — впоследствии командовавший Башкирским войском — вдруг быстро оглянулся, потому что его потянул кто-то за воротник: это был повешенный за задние ноги на дерево волк, одна из жертв нашей победы; он, как видно, ожил немного, соскучился висеть на сучке, достал передними ногами до земли, доцарапался до сидевшего перед ним будущего атамана и, желая ему шепнуть что-то на ухо, потянул его зубами за воротник! Вот почему у охотников есть правило: вторачивать лису и волка не за ноги, как зайца, а за шею, удавкой, не веря смерти их.

Что же еще сказать? Все поднялись и разъехались по своим местам предовольные, потому что радостно надышались свежим воздухом и удачно поохотились, не всякому, конечно, удавалось быть на поле, где взято сразу восемнадцать волков.

Да, позабыл было одно: на *горяченького* таки ухитрились выставить зашитую в волчью шкуру свинью, и он по ней стрелял.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
Оренбургские мотивы в творчестве В. И. Даля.....	9
Европа и Азия.....	17
Чудачество.....	24
О котах и о козле.....	28
Об очках.....	31
Из «Солдатских досугов».....	33
О Георгии храбром и о волке.....	39
Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке по прозванию Васильковый глазок, и о трёхстах тридцати трёх затяжных волокитах и поклонниках её.....	50
О Строевой дочери и о коровушке Бурёнушке.....	71
О воре и бурой корове.....	79
О баранах.....	87
Серенькая.....	92
Охота на волков.....	112

Обмиранье.....	128
Полуночник (<i>Уральское предание</i>).....	147
Уральский казак.....	158
Рассказ Верховлонцова о Пугачёве.....	175
Осколок льду.....	183
Башкирская русалка.....	192
Бикей и Мауляна.....	213
Майна.....	290
Гофманская капля.....	338
Примечания.....	403

